

СТАТЬИ

ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКОГО КОНЦЕПТА «СУД»: НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ

Л.В. Попова

Ключевые слова: концепт «суд», макроконцепт «правда — справедливость», пословицы, этнокультурный концепт, русское обыденное лингвосознание.

Keywords: concept «court», macro concept «truth — justice», proverbs, ethno-cultural concept, Russian ordinary language consciousness.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-01

Введение

Концепт «суд» играет ведущую роль в юридическом сегменте национальной языковой картины мира. В лингвокультурологии с учетом специфики национальной ментальности образ суда обычно рассматривается как антиконцепт, получающий негативную оценку вследствие несоответствия судебной реальности ожидаемым со стороны обиденного правосознания принципам и результатам деятельности судебной системы. Так, Н.Д. Арутюнова констатирует в современном русском языке, в отличие от древнерусского периода, разрыв смысловых связей человеческого (мирского) суда и правды [Арутюнова, 1999, с. 565]. Аналогичное противопоставление С.Г. Воркачев отмечает в русской паремиологии: правосудие, формальное право (негативная оценка) — суд совести, правда-справедливость (позитивная оценка) [Воркачев, 2009, с. 15–16]; эта точка зрения поддерживается другими лингвистами (например, [Глазкова, 2017]).

Сопоставительное исследование наименований лиц по профессии в рамках концепта (фрейма) «суд» выполнено на материале паремий немецкого и русского языков, в результате которого сделан вывод о преобладании нейтрального восприятия суда в немецком языковом сознании и негативных коннотаций суда в русском языковом сознании [Кузнецова, 2013], однако углубленный семантический, лингвокогнитивный и лингвокультурный анализ русских пословиц не является целью данной работы.

Сосредоточенность лингвокультурного анализа на традиционной негативной интерпретации русского концепта «суд» не позволяет рассмотреть соотношение негативных и положительных оценок суда. Предлагаемое исследование корпуса пословиц судебной тематики направлено на дополнение и уточнение указанных сведений о концепте «суд». Цель данной статьи состоит, во-первых, в анализе ценностной (аксиологической) составляющей концепта «суд», во-вторых, в сопоставлении концепта «суд» с этнокультурными морально-этическими концептами, что позволяет выполнить реконструкцию эталона правосудия в обыденном правосознании.

Материалом данного исследования послужил корпус пословиц судебной тематики (102 пословицы) из классических изданий XIX–XX вв. (Даль, 2002; 1879; 1903; И.М. Снегирев, 1848; Избранные пословицы, 1957). С помощью семантической классификации пословиц, валентностного и дефиниционно-компонентного анализа, лингвокогнитивной и лингвокультурной интерпретации номинативных средств концепта «суд» были выявлены способы оценочной вербализации концепта «суд», а на их основе — национальные особенности восприятия суда обыденным правосознанием.

Результаты исследования

В теории права правосознание определяется как «совокупность взглядов, идей, представлений, а также чувств, эмоций, переживаний, выражающих отношение людей к действующему или желаемому (допустимому) праву и другим правовым явлениям» [Матузов, 2020, с. 237]. Правосознание выражает оценку права с точки зрения его (не)совершенства, (не)справедливости. Объектами правосознания являются законы, законность, правопорядок, правотворчество, правосудие, акты правосудия [Матузов, 2020, с. 238]. Обыденное правосознание, в отличие от профессионального и научного, представляет первичный уровень правосознания: «...знания субъекта о праве формируются под влиянием повседневной жизни и деятельности, общения с окружающими, получаемой по различным каналам информации» [Матузов, 2020, с. 243].

Правосознание находит выражение в языковом сознании, или лингвосознании. Под языковым сознанием понимается совокупность образов сознания, которые формируются и овнешняются при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей [Тарасов, 2000, с. 26]. Языковое сознание считается частью когнитивного сознания [Попова, Стернин, 2007, с. 32–34]. В современной лингвистике укрепляется фор-

ма термина «лингвосознание» при выявлении особенностей восприятия мира носителями языка на материале как устной, так и письменной речи (текстов) [Брысина, 2020]. Разграничивается обыденное и профессиональное языковое сознание [Антонова, 2010; Осипова, 2011]. Традиционным стало изучение этнокультурной специфики языкового сознания [Этнокультурная специфика..., 2003]. Разработаны принципы исследования языковой ментальности, или языкового менталитета [Почепцов, 1990; Колесов, Пименова, 2011; Радбиль, 2010] — национально-специфического комплекса знаний о мире (концептов, ценностей и моделей поведения), воплощенных в системе национального языка.

Культурные концепты (константы, доминанты) — ментальные образования, экзистенциально значимые для лингвокультурного сообщества, содержащие типизируемые фрагменты человеческого опыта и фиксирующие своеобразие соответствующей культуры [Зализняк, 2012; Карасик, 2009; Колесов, Пименова, 2011; Лингвокультурный концепт..., 2007; Маслова, 2001; Радбиль, 2010; Степанов, 2001]. При наличии различных классификаций концептов важными в данной работе представляются две группы: социальные (в частности, «суд», «закон») и морально-этические («правда», «справедливость», «добро» и др.). Культурные концепты включают образно-перцептивные, понятийные, ценностные (аксиологические) компоненты, причем последние обладают особой значимостью [Карасик, 2009]. Как известно, правовые концепты, помимо универсальных понятийных признаков, имеют этноспецифичные признаки — образно-перцептивные, ценностные, как, например, «закон» в русской языковой ментальности [Степанов, 2001].

Культурные концепты проявляются в языке и речи, различные компоненты и продукты которых могут быть исследованы для описания, интерпретации этих концептов и языковой ментальности в целом. Прежде всего культурные концепты выражаются в ключевых словах, прецедентных выражениях и суждениях ценностной направленности — фразеологии, паремиологии. В лингвокультурной концептологии выявляются регулярно выражаемые культурные смыслы, актуализированные содержательные признаки концептов. Для этого необходимо интерпретировать значения конструкций, объективирующих особенности концептов.

Ценностное содержание русского концепта «суд» в обыденном лингвосознании выявлено на материале пословиц судебной тематики. Рассмотрено номинативное поле концепта «суд»: паремийные сочетания со словами — репрезентантами концепта: *суд, судиться, тяжба, закон, судья*. Используются валентностный и дефиниционно-компонентный анализ номинативных средств концепта «суд».

В результате семантической классификации пословиц выявлено три смысловые группы пословиц, демонстрирующие неоднозначность восприятия суда обыденным правосознанием.

В пословицах первой группы (14,7 %) констатируется необходимость суда для объективного установления причин нарушения правопорядка, определения (не)виновности субъектов, восстановления правопорядка и справедливости, например: *Суда не бойся! Суд не на укору, на расправу; Суд не на осуд, а на разсуд; Без суда не казнят; Правый суд не остуда (т.е. не сетуй на него); Суд правый кривого дела не выправит (а кривой суд правое скривит)*. Устанавливается прямая связь правого суда и закона: *Держи правду по наряду! Держи суд по закону!; Дело по делу, а суд по форме*.

Подчеркивается роль судьи в соблюдении законности и справедливости судопроизводства. Образ строгого, честного и справедливого судьи вводится как положительный пример — наставление: *Где добрые судьи поведутся, там и ябедники переведутся; У которого судьи добрый нрав, у того невинный всегда прав; Судья праведный — ограда каменна; Праведный судья одесную Спасителя стоит; Благо царей в правде судей; Хорош судья слывет, что ворам потачки не дает; Другу не дружи, а недругу не мсти (т.е. судья)*. Главные когнитивные признаки концепта «суд» в данной группе пословиц: ‘законность’, ‘справедливость’.

Пословицы второй группы (10,8 %) занимают промежуточное положение между первой и третьей, противопоставляя обязательности и социальной пользе законодательства и правосудия неправомерное поведение представителей закона, в том числе судей, а также рядовых участников судопроизводства, например: *Законы святы, да судьи / законники супостаты; Законы — миротворицы, да законники — крючкотворицы; Не бойся суда / закона, бойся судьи / законника; Суд прямой — да судья кривой; Суд крив, коли судья лжив; Судья суди, да и за судьей гляди!; Дарами и праведного судью к неправде приведешь*. Для русского обыденного правосознания характерно контекстуальное отождествление вербализаторов концептов «закон» и «суд» (*Не бойся суда / закона, бойся судьи / законника; Законы святы, да судьи / законники супостаты*), причем суд воспринимается как главная инстанция, компетентная в законодательстве и его применении, а рядовой участник судопроизводства (истец, ответчик) занимает пассивную позицию, находится в полной зависимости от судебных чиновников. В данной группе пословиц противопоставлены когнитивные признаки концепта «суд»: ‘законность’ / ‘незаконность’, ‘справедливость’ / ‘несправедливость’.

Следует отметить немногочисленность пословиц первой и второй групп (в совокупности 25,5 %) в сопоставлении с третьей (74,5 %), однако их существование свидетельствует о наличии в обыденном лингвосознании эталонного образа суда.

Пословицы третьей группы, преобладающие в количественном отношении (74,5 %), отражают недостатки судопроизводства. Констатируется некомпетентность некоторых судей в применении законодательства: *Судить, рядить не умею, а в приказ меня садят; Уложение читает, а дела не знает*. Отрицательным явлением в судопроизводстве считается поведение судей (и других представителей закона), в современном праве определяемое как коррупционное — незаконное использование физическим лицом своего должностного положения, в частности взяточничество и необъективное рассмотрение дел в интересах близких судьям лиц. В данных пословицах судьи предстают как пренебрегающие, манипулирующие правовыми нормами, недобросовестные, корыстные, поэтому и суд в целом не вызывает доверия, не воспринимается как гарант объективности и справедливости. Достаточно привести несколько примеров: *Что мне законы, коли (были бы) судьи знакомы; Судья — что плотник: что захочет, то и вырубит; Судья в суде — что рыба в пруде; У наших судей много затей; Пристрастный суд разбоя злее; Поп ждет покойника богатого, а судья тягуна тороватого; Пред Бога с правдой, а пред судью с деньгами; Судьям то и полезно, что в карман полезло; Ах, судья, судья: четыре полы, восемь карманов!; С голодной (Уголовной) палатой не перетягаешься; Суд по форме — судей покормит*.

Отметим, что ряд пословиц, критикующих взяточничество судей, указывает на виновность в коррупции и рядовых участников судебных процессов (истцов, ответчиков), провоцирующих судей на неправомерное судопроизводство, то есть коррупция для русского обыденного правосознания — привычное явление: *Дарами и праведного судью к неправде приведешь; Возьми на калачи, да только делом не волочи!; Судью подаришь, все (правду) победишь*. Обобщенно неправомерное судопроизводство в пословицах получает номинации *неправда, обида*, то есть оценивается как несправедливость: *Неправдою суд стоит; Где суд, там и неправда; В суд пойдешь — правды не найдешь; Где законники / закон, там и обида*. Неправомерное (несправедливое в обыденном правосознании) профессиональное поведение «законников» и, в частности, судей подвергается осуждению вплоть до крайней враждебности в форме угрозы: *Все бы законы потонули, да и судей бы перетопили*. Главные когнитивные признаки концепта «суд» в данной

группе пословиц: 'незаконность', 'несправедливость', 'неправда', 'обида'. Таким образом, эти пословицы противостоят первой группе, выражающей эталон правосудия.

Выполнена систематизация языковых средств оценки суда: сгруппированы положительно и негативно окрашенные слова и выражения.

Зафиксируем языковые средства положительной оценки: положительно окрашенные определения закона (*свят, миротворец*), суда (*правый, прямой*), судьи (*добрый, праведный, хорош*); императивы, выражающие 1) рекомендуемое отношение к суду (*не бойся <суда>, не сетуй <на суд>*), 2) требование к профессиональной деятельности судьи (*держи <правду по наряду / суд по закону!>, не дружи <другу>, не мсти <недругу>*); синтагмы на основе антитезы, обобщенно выражающие необходимость суда: *Суд не на укору, на расправу; Суд не на осуд, а на рассуд; Правый суд не остуда; Без суда не казнят*. В данном ряду негативным номинациям *укора, осуд, остуда* противопоставлены термины *расправа, рассуд*, которые в контексте пословиц занимают положительный полюс наряду с *правый суд*. *Укора от корити* 'ругать, осуждать' (СлРЯ XI–XVII, вып. 7, с. 314). *Остуда* 'осуждение, унижение, позор' (СлРЯ XI–XVII, вып. 13, с. 166). *Расправа* 'рассмотрение и решение спорных вопросов, дел' (СлРЯ XI–XVII, вып. 22, с. 31). *Рассуд* 'судебное разбирательство; разбор обстоятельств, размышление' (СлРЯ XI–XVII, вып. 22, с. 68). *Правый* о суде 'справедливый' на основе первичного значения 'прямой' (СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 123).

Отметим языковые средства негативной оценки: прямые и переносные негативно окрашенные определения суда и закона (*кривой, пристрастный, разбоя злее*), судьи и «законника» (*лживый, кривой; судить, рядить не умею; четыре полы, восемь карманов; супостат, крючоктворец*), первичные и вторичные императивы, выражающие: 1) предупреждение рядовых участников судопроизводства (*бойся <судьи / законника>*), неприятие законов и судей (*законы потонули бы, судей перетопили бы*); 2) стереотипное неправомерное поведение рядовых участников судопроизводства (*подаришь <судью>, победишь <правду>, приведешь <судью к неправде>, возьми <на калачи>* (обращение к судье); синтагмы, обобщенно выражающие негативную оценку реалий судопроизводства (*Неправдою суд стоит; У наших судей много затей; Судья — что плотник: что захочет, то и вырубит; Судьям то и полезно, что в карман полезло; Суд по форме — судей покормит* и др.).

Далее выполнена лингвокогнитивная и лингвокультурная интерпретация, вскрывающая соотношение русского концепта «суд» с этнокультурными морально-этическими концептами. При количественном пре-

обладании негативно-оценочных пословиц наблюдаются когнитивные оппозиции — ценностные признаки, указывающие на неоднозначность восприятия суда и судьи обыденным правосознанием: суд 1) *правый, прямой* (+); 2) *кривой, неправда, обида, зло* (-); судья 1) *добрый, праведный, хорош* (+); 2) *кривой, лживый* (-). При этом прослеживается косвенно выраженная близость понятий «правда» — «суд», «закон» (*Держи правду по наряду! Держи суд по закону!*). Таким образом, исторически в русском языковом сознании существовал комплекс представлений о суде, основанный на морально-этическом «кодексе». Все члены оппозиций в положительной или отрицательной форме отражают этнокультурные морально-этические концепты: «(не)правда» / «ложь», «(не)справедливость», «обида», «(не)праведность», «добро» / «зло».

Этнокультурная значимость и взаимосвязь данных концептов зафиксирована в лингвокультурологических словарях и научных трудах: «правда» — основная форма выражения справедливости, добра, праведности, она признается душой; «справедливость» — ощущение правды, побуждающее принимать праведное беспристрастное решение; «праведность» — совесть, честность, добродетельность; «добро» выражает правду, создает справедливость; «зло» — отсутствие необходимого блага, нравственная пустота души или страсть, приводящая к беде, вводящая человека в грех, лишаящая внутренней свободы, надежды и счастья; «обида» — несправедливость, оскорбляющая человека, вызывающая нравственные страдания, «уязвление души и сердца»; «ложь» — заведомая неправда, намеренное словесное искажение истины в предосудительных целях, грех [Зализняк, 2012; Кобякова, 2004; Колесов, 2014; Степанов, 2001].

В обыденном языковом сознании эталон правосудия представлен как *правый, прямой* (объективный, справедливый, законный) суд, осуществляемый *добрым, праведным* (честным, справедливым, добросовестным, порядочным, законопослушным) судьей при условии действия закона *святого, миротворца*. Напротив, критикуемое судопроизводство отражено как *кривой, злой суд*, основанный на *неправде*, ведущий к *обиде*, осуществляемый *кривым, лживым* судьей. Отметим антропоцентризм русского концепта «суд»: результаты работы суда оцениваются как следствие индивидуальных действий судьи, от личности которого в конечном счете зависит правомерность судопроизводства.

Следовательно, для русского обыденного правосознания в диахронии характерна реалистичная оценка суда: не безоговорочное отрицание необходимости суда, а критичное восприятие судебной практики на фоне эталона правосудия. Критика основана на недостатках су-

допроизводства, прежде всего обусловленных ненадлежащим поведением судей (*Суд прямой — да судья кривой*). Эталон суда представлен и как реальность (*Суда не бойся! Суд не на укору, на расправу; Суд не на осуд, а на разсуд; Правый суд не остуда (т.е. не сетуй на него);*

У которого судьи добрый нрав, у того невинный всегда прав; Судия праведный — ограда каменна; Хорош судья слышет, что ворам потачки не дает), и как идеал (*Держи правду по наряду! Держи суд по закону!; Где добрые судьи поведутся, там и ябедники переведутся*). В пословицах подчеркивается важность соблюдения законов при судебном разбирательстве. Таким образом, концепт «суд» в обыденном понимании противоречив: с одной стороны, прослеживается разочарование в суде, недоверие к нему, страх перед ним, с другой стороны, выражается вера в справедливый суд, надежда на его объективность и законность, признаются факты правомерного судопроизводства.

Заключение

Итак, на материале пословиц можно утверждать, что русский концепт «суд» имеет ярко выраженное ценностное содержание, в отличие, например, от немецкого концепта [Кузнецова, 2013]. Наблюдается неравновесие оценок с преобладанием негативной (74,5 %). В результате сопоставления положительных и негативных оценок русского концепта «суд» в паремиях, наряду с объективным (на основе недостатков судопроизводства) противопоставлением «суда» и «правды — справедливости», выявлена их связь, как желаемая, так и реальная, с точки зрения обыденного правосознания. Важно подчеркнуть, что для русского правосознания исконно характерен синкретизм макроконцепта «правда — справедливость», включающего и концепт «закон» в его положительном восприятии. Обыденное представление о законности базируется на соблюдении морально-этических принципов. Так, только *добрый, праведный судья* может осуществить *прямой, правый суд*, поддерживающий и восстанавливающий правопорядок.

На основании проведенного исследования предлагаем скорректировать положение о безусловном противопоставлении этического и юридического аспектов правосознания в русском языке [Воркачев, 2009, с. 15–16]. Лингвокогнитивная и лингвокультурная интерпретация паремиологического материала позволили выявить исконную базовую черту русского обыденного правосознания — концептуальный синкретизм «правда — справедливость — законность». Данный результат подтверждается этнопсихологическими выводами русских философов и правоведов о том, что нормы права и нормы нравственности в сознании русского народа слабо дифференцированы [Кистяковский, 1909];

право и закон в русской ментальности должны быть обоснованы через веру и совесть [Ильин, 1996, с. 579–580].

Библиографический список

Антонова И.С. О соотношении понятий «языковое сознание» и «профессиональное языковое сознание» // Социосфера. 2010. № 4.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Брысина Е.В., Супрун В.И. Названия кукушки и кукушонка в русском народном лингвосознании // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 4.

Воркачев С.Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре. Волгоград, 2009.

Глазкова С.Н. Закон и порядок через призму современного русского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12 (408). Филологические науки. Вып. 110.

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012.

Карасик В.И. Языковые ключи. М., 2009.

Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые основы русской ментальности. СПб., 2011.

Кузнецова Н.Ю. Сопоставительный анализ функционирования наименований лиц по профессии в рамках концепта «суд» (на материале паремий немецкого и русского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86.

Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / под общ. ред. С.Г. Воркачева. Волгоград, 2007.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.

Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2020.

Осипова А.В. Соотношение закона и справедливости в профессиональном и обыденном языковом сознании // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.

Почепцов Г.Г. Языковая ментальность: способы представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6.

Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. М., 2010.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000.

Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2003.

Словари

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 3-е изд. СПб. ; М., 1903.

Кобякова Т.И. Концепты духовности в русской языковой картине мира. Лингвокультурологический словарь. Уфа, 2004.

Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб., 2014.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2015. Вып. 1–30.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.

Источники

Даль В. Пословицы русского народа: сборник пословицъ, поговорокъ, речений, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, поверій: в 2 т. 2-е изд. СПб. ; М., 1879.

Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2002.

Избранные пословицы и поговорки русского народа / сост. Н.П. Колпакова, М.Я. Мельц, Г.Г. Шаповалова. М., 1957.

Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6, кн. 2. М., 1996.

Кистяковский Б. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. URL: <http://www.vehi.net/vehi/kistyak.html> (дата обращения: 25.01.2021).

Снегирев И. Русскія народныя пословицы и притчи. М., 1848.

References

Antonova I.S. *O sootnoshenii ponyatij «yazykovoe soznanie» i «professional'noe yazykovoe soznanie»*. [On the relationship between the concepts of «linguistic consciousness» and «professional linguistic consciousness»]. In: *Sociosfera* [Sociosphere]. 2010. No. 4.

Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka*. [Language and the world of man]. Moscow, 1999.

Brysina E.V., Suprun V.I. *Nazvaniya kukushki i kukushonka v russkom narodnom lingvosoznanii*. [Names of cuckoo and cuckoo chick in russian folk linguistics]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 2. Yazykoznanie*. [Science Journal of VolSU. Linguistics]. 2020. Vol. 19. No. 4.

Vorkachev S.G. *Pravdy ishchi: ideya spravedlivosti v russkoj lingvokul'ture*. [Seek the truth: the idea of justice in Russian linguistic culture]. Volgograd, 2009.

Glazkova S.N. *Zakon i poryadok cherez prizmu sovremennogo russkogo yazyka*. [The law and order in modern Russian]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki*. [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology sciences]. 2017. No. 12 (408). Iss. 110.

Zaliznyak Anna A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Konstanty i peremennye russkoj yazykovoj kartiny mira*. [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow, 2012.

Karasik V.I. *Yazykovye klyuchi*. [Language keys]. Moscow, 2009.

Kolesov V.V., Pimenova M.V. *Yazykovye osnovy russkoj mental'nosti*. [The linguistic foundations of the Russian mentality]. St. Petersburg, 2011.

Kuznecova N.Yu. *Sopostavitel'nyj analiz funkcionirovaniya naimenovanij lic po professii v ramkah koncepta «sud» (na materiale paremij nemeckogo i russkogo yazykov)*. [Comparative analysis of occupational titles functioning within the concept of court (on the material of german and russian proverbs)]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art criticism]. 2013. No. 37 (328). Iss. 86.

Vorkachev S.G. (ed.) *Lingvokul'turnyj koncept: tipologiya i oblasti bytovaniya*. [Linguocultural concept: typology and areas of existence]. Volgograd, 2007.

Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya*. [Linguoculturology]. Moscow, 2001.

Matuzov N.I., Mal'ko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava*. [Theory of State and Law]. Moscow, 2020.

Osipova A.V. *Sootnoshenie zakona i spravedlivosti v professional'nom i obydenom yazykovom soznanii*. [The relation of law and justice in the professional and ordinary language consciousness]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art criticism]. 2011. No. 24 (239). Iss. 57.

Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika*. [Cognitive linguistics]. Moscow, 2007.

Pochepcov G.G. *Yazykovaya mental'nost': sposoby predstavleniya mira*. [Language mentality: ways of representing the world]. In: *Voprosy jazykoznanija*. [Topics in the study of language]. 1990. No. 6.

Radbil' T.B. *Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta*. [The basics of studying language mentality]. Moscow, 2010.

Tarasov E.F. *Aktual'nye problemy analiza yazykovogo soznaniya*. [Actual problems of the analysis of linguistic consciousness]. In: *Yazykovoe soznanie i obraz mira*. [Linguistic consciousness and image of the world]. Moscow, 2000.

Ufimceva N.V. (ed.) *Etnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya*. [Ethno-cultural specificity of linguistic consciousness]. Moscow, 2003.

Dictionaries

Dal' V. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskago yazyka*. [Explanatory Dictionary of the living great Russian Language]. In 4 volumes. St. Petersburg; Moscow, 1903.

Kobyakova T.I. *Koncepty duhovnosti v russkoj yazykovoj kartine mira. Lingvokul'turologicheskij slovar'*. [Spirituality concepts in the Russian language picture of the world. Linguocultural Dictionary]. Ufa, 2004.

Kolesov V.V., Kolesova D.V., Haritonov A.A. *Slovar' russkoj mental'nosti*. [Dictionary of the Russian mentality]. In 2 volumes. St. Petersburg, 2014.

Avanesov R.I. et al. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th — 17th Centuries]. Moscow, 1975–2015. Iss. 1–30.

Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury* [Constants: Dictionary of the Russian Culture]. Moscow, 2001.

List of sources

Dal' V.I. *Poslovice russkogo Naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow, 2002.

Dal' V. *Poslovice russkago naroda: sbornik poslovic, pogovorok, rechenij, prislovij, chistogovorok, pribautok, zagadok, poverij* [Proverbs of the Russian people: a collection of proverbs, adages, saws, redes, pure phrases, jokes, riddles, beliefs]. In 2 volumes. St. Petersburg; Moscow, 1879.

Il'in I.A. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. In 10 volumes. Vol. 6. Bk. 2. Moscow, 1996. Kolpakova N.P. et al. *Izbrannye poslovice i pogovorki russkogo Naroda*. [Selected proverbs and sayings of the Russian people]. Moscow, 1957.

Kistyakovskij B. *V zashchitu prava (Intelligenciya i pravosoznanie)*. [In Defense of law (Intellectuals and legal consciousness)]. In: *Vekhi: Sbornik statej o russkoj intelligencii*. [Milestones: Collection of articles on the Russian intelligentsia]. Moscow, 1909. URL: <http://www.vehi.net/vehi/kistyak.html>.

Snegirev I. *Russkiya narodnyya poslovice i pritch.i* [Russian folk proverbs and parables]. Moscow, 1848.